

РАССКАЗЫ

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА?

В середине девяностых годов я оказался в Женеве по делам службы на одном из совещаний ООН по правам человека. После заседания я забрел в бар в нашем представительстве, который помогал многим командировочным скрасить вечер непрехотливой едой в виде сосисок с картофелем фри и кружкой пива. Не успел я войти в бар, как услышал еще не забытый голос Саши Зимина: «Какие люди! Не может быть?» До своего недавнего отъезда на работу в постпредство РФ в Женеве Саша трудился в нашем департаменте. Мы делили офис, работу, командировки — в общем, все, что могли делить сослуживцы. Мы обнялись.

— Я угощаю, — повелительно протянул он. Александр недавно перевалил за тридцатилетие. Тем не менее выглядел он по-прежнему юным и стройным в аккуратном костюме, с аккуратной прической, с аккуратными, плавными движениями. Его мужественное лицо и приятные карие глаза на фоне темных волос еще более усиливали мгновенное ощущение расположения, которое он излучал. В нем чувствовались уверенность и надежность. Недаром говорят, что красивые и симпатичные люди более успешны в карьере. У него с карьерой все было в порядке. Он двигался по служебной лестнице шагами скорохода. Но только злобный завистник мог бы упрекнуть его в столь быстром движении наверх, поскольку продвижению Зимин был обязан своей работоспособности и, главное, умению вовремя избегать конфликты, придерживая язык за зубами, когда это необходимо. Он как будто стеснялся своего успеха, а его застенчивая улыбка как бы говорила: я все понимаю, и вашу зависть тоже, но я ни в чем не виноват, мне просто случайно повезло, и вам обязательно повезет. Казалось, нет человека, с которым он был бы не способен поладить. Редкое, но исключительно ценное качество в чиновничьем террариуме.

— Саня! А я как раз вспоминал о тебе. Думаю, где он пропадает. Место встречи изменить нельзя!

Мы устроились за столиком и предались воспоминаниям о наших дипломатических ристалищах, о забавных эпизодах, нередко сопровождающих командировки.

— А помнишь, на конгрессе в Рио-де-Жанейро машина пришла раньше, и мы приехали первыми на прием?

Николай Олегович Хлестов родился в 1952 году в Москве. Дипломат, прозаик. Окончил МГИМО. Работал в нашем посольстве в Эфиопии, в различных департаментах МИД СССР и затем России. Занимался многосторонней дипломатией, участвовал во многих международных совещаниях по линии ООН. С 1998-го по 2016 год работал международным чиновником во Всемирной организации интеллектуальной собственности в Женеве. Автор книг прозы, вышедших в России и ФРГ, член Союза писателей XXI века. Дипломант премии «Писатель XXI века» в номинации «Проза» за 2017 и 2019 годы. Живет в Москве.

— Еще бы! Неопытный официант встал прямо при входе в зал приемов гостиницы. — поддержал я Сашу. — Его солидный вид, бабочка ввели нас в заблуждение, и мы решили, что это хозяин приема, и стали представляться ему.

— Точно... вообще-то, это была ошибка элегантно одетого официанта, ему не следовало вообще стоять на входе. Пришлось второй раз представляться теперь уже настоящему хозяину приема — послу Аргентины, которого мы увидели впервые. Он ведь не ездил на подготовительные мероприятия ООН в Женеве, так что немудрено было попасть впросак. — Саша рассмеялся. — Хорошо, что мы не спросили: «Здесь посылают в Аргентину?» Надеюсь, он не был свидетелем нашего faux pas.

— Саня, а ты помнишь, как в аэропорту города Бразилиа ты стал разглядывать витрину сувениров. Твой глаз, а затем и руки стали выбирать хрустальный корабль. Как выяснилось, эта морская симпатичная безделица потянула, этак, долларов на триста. Ты тронул его, а он возьми и упади. Корабль — вдребезги, суточные — тоже. Вся наша делегация с интересом наблюдала за развитием событий. Некоторые представители других ведомств, кажется Министерства связи, начали злорадствовать: попались дипломаты. А девушка в этом бутике заверещала что-то на своем португальском наречии по телефону. Пообщалась с кем-то и выдала: другого такого кораблика нет. На твой вопрос: «А как быть с разбитым?» — ответствовала: «Не волнуйтесь, этот расход будет покрыт страховкой». Интересно было наблюдать глубокое разочарование на лицах некоторых членов нашей делегации.

Мы смеялись и выпивали. Когда молод, жизнь, карьера, интересная работа — все получается как-то само собой. Мы были обречены на успех. Даже крушение СССР не выбило нас из седла. Этот неожиданный удар было непросто пережить, как и непросто понять, какие интересы Родины нужно отныне защищать дипломатам. Жизнь была разведена надвое, как мосты в Ленинграде: до и после разрушения Советского Союза. Министр (наших всех иностранных дел тогда) делал непонятные заявления, козырял новыми терминами вроде красно-коричневых. Многие из того, что в прежние годы было нелепым и бестолковым, теперь приобретало новую окраску и начинало казаться значительным. Мы иронизировали, задавая друг другу вопрос: когда нам начнут давать указания из-за бугра? Мы подшучивали над собой: теперь стало скучнее без откровенного соперничества с Западом.

— Ты помнишь, как раньше на нас наседали. На наш отчет о выполнении Советским Союзом конвенций Международной организации труда (МОТ) — тема сродни правам человека — приходили западные делегаты, сотрудники международных организаций, как на спектакль в Большой театр. Каков был накал страстей! Помнится, однажды мы ответили на девяносто вопросов, разъясняя положение в СССР. Представляешь — девяносто! Обсуждение длилось пять часов, если не больше. Запад так старался добиться осуждения, пригвоздить нас к позорному столбу, и ничего из этого не получилось. Мы их задавили юридическими аргументами. Это было посильнее Фауста. Да, было время.

— Ты говоришь, как таможенник Верещагин в фильме «Белое солнце пустыни».

— Саня, а что, не правда, что ли? Было время, была борьба... Как говорил Бетховен: жизнь есть борьба! А теперь болото. Не хватает чего-то, угрозы, что ли?

— Дорогой мой, это разве Бетховен сказал? Впрочем, это не важно. Полагаю, скоро все вернется на круги своя. Наши представления о том, что нас будут держать за своих, оказались маниловщиной. Мы для Запада — извечный противник. Кстати, славянский — Slavic — имеет один корень со словом Slave, что означает раб, коими мы навсегда останемся в сознании англосаксов.

По мере осушения бокалов наше жизнеизвлечение становилось все более оживленным. Но это не помешало мне заметить за одним из столиков женщину. Ее лицо

показалась мне знакомым. Она была неопрятно одета, ужасно покрашена, отчего выглядела еще старше. На лице ее было выражение страшной усталости, в глазах — какая-то вечная безнадега. Тем не менее их редкая голубизна все еще придавала лицу некоторую привлекательность даже вопреки чрезмерной краски make-up. В ее движениях виделась какая-то отрешенность. Она как будто была здесь, в баре, и одновременно где-то далеко-далеко. Я взгляделся в ее черты, и вдруг меня как током ударило воспоминание.

— Послушай, Саша, ты знаешь эту женщину? — спросил я моего друга.

— Кто ее не знает? Странно, что ее еще пускают в миссию. Это Закатова Катя. Она здесь покупает водку со скидкой, а потом перепродает ее подороже в городе, а разницу здесь же и пропивает, — непривычно резко сказал мой товарищ. — Удивляюсь, как ей еще не закрыли вход сюда. Редкостная пьянь!

Словно в подтверждение его слов, она привычно, умелым жестом, швырнула в себя полстакана водки.

— А ты ее хорошо знаешь?

— Нет, и главное — не особенно стремлюсь. Пьяных скандалов мне еще не хватало. А что тебя поражает? Алкоголики редко излечиваются, а женщины-алкоголички — почти никогда! Алкаши, они ведь неуверенно ходят по земле.

— Саня, а люди — и трезвые тоже — не очень уверенно вообще ходят по жизни. Более того, есть такие удары судьбы, которые очень быстро растворяют эту уверенность, если она и была до того.

— Давай лучше о конференции.

Мы переключились на профессиональные темы и забыли о Закатовой. Вечер удался на славу. Мы расстались, и я вернулся в Москву. Я приезжал периодически в Женеву на различные конференции, и мы каждый раз встречались с моим другом. Прошло несколько лет, и в очередной раз я опять оказался в Женеве, и, конечно мы встретились с Сашей. И вновь начали обсуждать работу, потом наша болтовня скатилась на служебные перетасовки: кто куда назначен, кто получил какое продвижение или, напротив, был задвинут. Затем стали сетовать на то, что начальство с легкостью дает указания, но совершенно не задумывается над тем, как их выполнять. В общем обычный чиновничий треп. Разговор как-то перекинулся на житие в Женеве. Я вспомнил о Закатовой.

— Сань, а как там Закатова поживает?

— Старик, это не тот контингент, с которым следует общаться.

— А все-таки, что о ней слышно?

— Я слышал, что какое-то время она подрабатывала в русском магазине в пограничной Франции. Но там она не удержалась. Вероятно, не было разрешения на работу, а с этим у местных властей строго. В общем, куда-то сгинула. А что она тебе так покоя не дает?

— Саша, я слышал, будто ее муж умер.

— А у нее был даже муж?

— Если бы ты только знал ее обстоятельства, может быть, ты не был бы так суров по отношению к Катерине.

— Уже Катерина. С этими необычными голубыми глазами. Успел влюбиться, что ли?

— Брось... Нет, что делает с женщинами время, а?

— Скажи лучше водка. Пить надо меньше!

— Саня, если бы ты только знал, что она пережила. Кстати, ты невольно способствовал моему знакомству с ней.

— Я? Ты перебрал, дружище. Это не мой профиль.

— Саша, ты помнишь, как ты попросил меня проводить Адамова до его отеля несколько лет тому назад? Забыл? Это было здесь же, в Женеве, прямо накануне распада СССР. Мы прибыли на Комиссию ООН по правам человека. Помнишь Адамова Сергея Николаевича? Он был гвоздем программы комиссии. Западные дипломаты иронизировали: вы, русские, — непредсказуемые люди. Вначале сажают своих диссидентов, а потом включаете их в состав вашей делегации на совещания ООН по правам человека. Это что-то невероятное.

На меня налетело воспоминание обо всем этом невероятном.

Адамов производил впечатление человека, который никогда и никуда не торопится. Он не спеша разминал свою папиросу «Беломорканала» (весьма символично, не правда ли?) и закуривал ее, прежде чем ответить на вопрос. Делал он это так долго, что вы невольно становились соучастником курения, наблюдая за его манипуляциями с папиросой. В зале заседаний Отделения ООН в Женеве курили только Адамов и делегат Кубы, игнорируя призывы председателя «воздержаться по возможности от курения». Тогда война с курением еще только начиналась, и не все верили, что самое опасное в жизни — это никотин. Согласно французскому алфавиту, наша делегация сидела рядом с американцами. Очевидно, из солидарности, в знак поддержки диссидента янки мужественно, без жалоб переносили едкий папиросный дым Адамова. На пресс-конференции он отлично показал себя, выступая за повсеместное соблюдение норм международного права, прав человека всеми государствами без различия социальных, экономических и иных условий. Адамов стал самым популярным гостем на комиссии. Случайно выбор пал на меня, и мне пришлось помогать Сергею Николаевичу с переводом, поскольку у него было множество встреч с различными представителями.

— Двадцатый век выдвинул концепцию защиты прав человека, но именно это столетие породило наиболее массовые нарушения прав человека, — вещал Адамов. — Нельзя более мириться с этими нарушениями. Никакое экономическое процветание не может оправдать игнорирование этих прав.

При этом он подвергал критике как нашу страну, так и любые другие государства, включая западные. Его выступления были тепло приняты и сопровождались аплодисментами. Речи Адамова на параллельных мероприятиях были обеспечены синхронным переводом ООН, но перевод последовавших вопросов и его ответы как-то по инерции легли на меня. Помимо основной работы помощь Адамову была для меня дополнительным бременем, но я не роптал. Я еще не успел выработать привычку встречаться с диссидентами. Было любопытно наблюдать за его поведением. Адамов производил впечатление человека, который перепутал дверь и попал не туда, куда хотелось. Он внимательно приглядывался ко всему, как бы ожидая какого-то подвоха.

Я напомнил Зимину тот день в Женеве на сессии комиссии еще до развала СССР. В один из вечеров я заглянул к нему и обнаружил у него звезду нашего политического небосклона. Мы посидели за рюмкой чая, обсуждая позицию страны и перспективы принятия доклада. Наши попытки убедить Адамова изменить его позицию оказались тщетными.

— Сергей Николаевич, вы так громите нашу страну, что Западу ничего не остается делать. Здесь обычно каждая страна сама себя защищает, а вы как будто специально ведете дело к осуждению. Каждая страна умирает здесь в одиночку. И потом, зачем так критиковать другие страны, если, как вы утверждаете, у нас самих дела из рук вон плохи. У нас нет морального права так их долбать, если у нас рыльце в пушку, — пытались мы наставить Адамова на путь истинный.

— Мы должны себя осудить и всех остальных тоже покритиковать и осудить непременно. Соблюдение прав человека — это тема общечеловеческая, и она не имеет

границ. Я понимаю ваши дипломатические усилия и стремление избежать осуждения. Но это устаревший подход. Новый состоит в том, чтобы обеспечить выполнение норм по правам человека в полном объеме и повсеместно, — настаивал на своем Адамов.

— Да, но Запад будет действовать по-старому. Никакие новые подходы ничего не изменят в их отношении к нам. Запад всегда будет осуждать, критиковать Россию и выплескивать на нас помой в СМИ, обвиняя нас во всех грехах и выставляя себя в качестве единственного идеала организации государственной жизни. А нас всегда будут представлять такими плохишами, — тщились мы переубедить железного Адамова.

Но все наши доводы не достигали желаемой цели. Сергей Николаевич стоял намертво, и убедить его хотя бы снизить уровень критики было практически невозможно. Про меж себя мы называли его «большевик наоборот». Его выступления, по существу, саботировали нашу «нормальную дипломатию». После некоторых колебаний мы решились сказать ему, что нам придется информировать посла и руководителя делегации об особенной позиции Адамова и его кулуарной работе в противовес нашим усилиям. К нашему удивлению, Сергей Николаевич ничуть не обиделся и воспринял наши неловкие квазиугрозы «с полным пониманием». Он даже стал убеждать нас в том, что наша информация пойдет на пользу общему делу, чем еще больше изумил нас. Все это было против всяких правил, которые наш ниспровергатель устоев с такой легкостью нарушал, подчас вызывая у нас оторопь. Мы не знали тогда, что наш прогрессивно, нестандартно мыслящий министр специально просил выделить в помощь МИДу и нашей делегации на Комиссию ООН по правам человека своего рода комиссара из числа известных диссидентов. Итак, единственное, что нам удалось, это добиться согласия Адамова, по крайней мере, повременить с его зубодробительной критикой какое-то время, до принятия доклада. В конце нашего непростого диспута Саша попросил меня проводить его до отеля.

— Послушай, он ведь сидевший человек. Кто его знает, какое у него здоровье. Мне еще отписаться надо — отчет не ждет. Проводи его, если не трудно. Тут всего-то ходу на полчаса.

Я согласился, и мы отправились по вечерней Женеве. Уже стемнело, но ночная жизнь с ее приветливыми огнями только набирала силу. Из баров и ресторанов тянуло запахами пиццы и фондю под аккомпанемент разудалой музыки. Мне казалось, что медлительная фигура Адамова с вечно дымящейся папиросой выглядела каким-то диссонансом на фоне безмятежной швейцарской жизни. Погода была неплохая. Весна принесла мартовское тепло. Прогулка была очень приятной, но меня не покидало ощущение, будто Адамов оппонирует и погоде тоже, отвергает все. Мы продолжали философский диспут о гносеологических и исторических корнях демократии, правах человека, роли энциклопедистов. Казалось, что все самые сложные вопросы бытия можно было решить полемическим задором. Вспомнился и Жан Жак Руссо, чей памятник затаился на острове в центре Женевы. И зачем, к чему вся эта удивительная природа, это великолепие? Где-то унижают человека, и жизнь беспросветна. Усталость от жизни, от всего способна заслонить всю красоту природы, и что толку от этих правильных слов о правах человека, когда растоптано человеческое достоинство. Мы жонглировали всей этой смесью понятий, моральных ценностей и правовых принципов и не заметили, как приблизились к искомому отелю.

Наконец мы достигли гостиницы, где проживал Адамов. Мы подошли к стойке приема гостей. Я уже приготовился распрощаться, как вдруг услышал крик: «Сергей! Сергей!» Я оглянулся и увидел невысокого человека лет пятидесяти, довольно подтянутого, хотя уже начинающего седеть и лысеть. Он был совершенно пьян, но в слова попадал пока еще довольно сносно. Они обнялись и застыли на мгновение, как будто приготовились к фотографированию на память.

Я было начал прощаться, но Сергей Николаевич очень настойчиво стал уговаривать меня заглянуть к нему в номер. Мои протесты, что мол, поздно и у него свои дела с гостем, не имели успеха, и в конце концов я сдался его напору. Даром, что ли, «большевик наоборот»! Мы поднялись в его номер, где он тут же выставил бутылку виски. Нашелся лед в мини-холодильнике, и мы начали потреблять напиток. Нетрезвый гость постоянно восклицал: «Ты помнишь, как мы с голоду подышали? Ты помнишь, как мы вместе сидели?» Спустя какое-то время (мне показалось, весьма долгое) он затих и погрузился в напиток. Сергей Николаевич улучшил момент и представил меня гостю как сотрудника МИДа. Гость был назван Борисом Закатовым. Как только наш собутыльник уяснил мой статус, он тут же громогласно заявил: «А-а, палачи!» Я опять стал собираться уходить, но Адамов остановил меня. Он обратился к Закатову.

— Борис, не надо так нападать на человека. Это очень достойный человек. Весь день он мне помогал с переводом.

Но эти разъяснения не очень подействовали на его воинственность. Он продолжал свои оскорбления и нападки на меня. Мне все это начинало надоедать. Закатов как будто специально становился все более и более агрессивным. Адамову это тоже начало действовать на нервы. Наконец он решительно обратился к Борису:

— Или ты уходишь, или ты остаешься и прекращаешь эту комедию? Выбирай и побыстрее! — ультимативно заключил он. Закатов мгновенно смягчился и стал просительным тоном объяснять свою воинственность неурядицами жизни. Затем, как это нередко бывает с пьяными людьми, он развернулся на сто восемьдесят градусов и стал меня нахваливать. От любви до ненависти — один шаг, и наоборот тоже.

— Мы сразу же видим, каков человек. Ты не плохой. Давай еще выпьем вместе, — предлагал он раз за разом, все больше пьянея.

Я продолжал мечтать, как бы мне поскорее умотать от бойцов диссидентского фронта. Вся эта дурная пьеса мне порядком надоела. Было более чем достаточно этого свидания с новым героем. На мое счастье, позвонил наш водитель, который завез очередное приглашение и согласился подкинуть меня в мой отель. Перед уходом Сергей Николаевич распрощался со мной, извинившись за своего гостя из другой жизни. Я был более чем рад избавиться от неожиданного собутыльника, надеясь, что в будущем никогда не увижусь с Закатовым. Но как известно, человек полагает, а Бог располагает.

В очередной раз мы вновь оказались в Женеве по той же причине на комиссии. Но на этот раз в новые, постсоветские времена Адамов был главой нашей делегации. Мы вновь спорили с ним, тщетно призывая его, по крайней мере, не уничтожать самих себя.

— Сергей Николаевич! Вы относитесь к правам человека как к священной корове. Для вас эта тема как религия. А для большинства стран это просто еще одна проблематика международных отношений, как разоружение, социально-трудоустановочные стандарты, экология и т. д. Здесь идет такая же борьба, как и по другим темам, и не более того. Что бы вам ни говорили наши западные оппоненты. Обратите внимание на то, что почему-то все время в комиссии критикуют и осуждают социалистические и развивающиеся государства, а западные — крайне редко и очень слабо. Западные СМИ подхватывают и формируют устойчивый негативный наш образ. И мало что меняется. Отчего это?

В конце концов, какой-то не самый лучший компромисс был найден. Близилась суббота — редкая суббота, — поскольку заседание в этот выходной день было лишь на пару часов. Я планировал поехать с друзьями проветриться в Альпы, благо погода обещала быть хорошей. Однако вечером в пятницу Адамов обратился ко мне с просьбой

отвезти его к Закатову. Его просьба вызвала у меня стопор: ну, совершенно не хотелось встречаться с этим редким персонажем.

— А он захочет видаться с палачом? — спросил я с тайной надеждой, что Адамов вспомнит наше первое соприкосновение.

— Надо навестить его в больнице, — как бы не замечая моей иронии, ответил Адамов. — Я буду вам очень признателен, если бы вы смогли мне помочь. Может, придется и переводить, если это вас не затруднит.

После таких слов и упоминания больницы я понял, что моя прогулка в Альпы накрывается медным тазом.

— Вот вам телефон его супруги. Узнайте ее адрес... Мы должны захватить за ней. Она знает, в какой госпиталь его положили, какое отделение, палата и т. д.

Я долго дозванивался до Закатовой. Наконец услышал слабый голос. После представления и объяснений я попытался выяснить ее адрес. Ее ответ обескуражил меня: «Рядом с „Мигро“». Это все равно что сказать «рядом с „Лентой“ или „Пятерочкой“». В Швейцарии две сети продуктовых магазинов: «Мигро» и «Кооп». Отличие «Мигро» состоит в том, что в этой сети нет ни грамма алкоголя (даже пиво безалкогольное), поскольку основатель этого магазина установил данное условие. Утверждают, что у него будто бы брат умер от алкоголизма. А «Кооп» торгует всеми веселящими напитками помимо продуктов, впрочем, алкоголь тоже продукт. Короче говоря, Катерина не могла даже дать адрес, а магазины «Мигро» были на каждом углу.

Интересно, как она ориентируется в Женеве с такими познаниями, подумал я. Впрочем, что можно ожидать от жены такого человека.

Я вновь обратился к Адамову.

— У меня где-то завалялся его адрес еще с той нашей встречи, — подбодрил он меня. Я вам передам ее адрес, когда поедем.

На следующий день, в субботу заседание действительно кончилось довольно рано. Я все же сговорился с друзьями, что постараюсь шустро управиться с незваным мероприятием.

Адамов предъявил мне адрес Закатова, и мы поехали. У меня была машина нашей миссии, где, на мое счастье, нашлась и карта Женевы. (Тогда не было навигаторов и мобильных телефонов!) Я не самый лучший следопыт, и после некоторых мучений мне все же удалось найти нужный район, не очень далеко от кантонального госпиталя. Мы подъехали к дому, где явно проживали беженцы. Это был первый этаж. Первый — по-русски, то есть ре-де-шоссе, поскольку первый по-местному означал наш второй. Обычно на первом этаже по-русски располагались бутики, мелкие лавочки, салоны красоты, парикмахерские и т. п. На этом этаже стояли задрипанная, выдавшая виды детская коляска и сломанный велосипед.

Адамов позвонил, дверь открылась. Перед нами была очень тоненькая женщина с испуганными глазами необычного голубого цвета. Ее волосы были забраны назад. Одетая она была более чем просто. Катерина будто ждала чего-то радостного. Увидев Адамова, она, как птичка, встрепенулась и затараторила так быстро, что я мало что мог понять. Адамов прервал ее, представив меня, и, не давая ей шанса начать опять свой монолог, предложил сразу же отправиться в госпиталь. Катерина набросила на себя выдавшую виды куртку, мы вышли. Она заперла дверь, которую можно было открыть отверткой, и мы заспешили к машине. По дороге Катерина пыталась что-то бессвязно рассказывать о лечении Закатова. Вскоре мы подъехали к кантональному госпиталю.

Наш гид очень хорошо ориентировалась в больнице. Медперсонал узнавал ее как старую знакомую и был очень приветлив с ней. Наконец мы пришли к искомой палате.

Когда мы вошли, нам представилось зрелище: на медицинской койке одноместной палаты лежал Закатов с разными трубками, прикрепленными к телу и лицу. Рядом громоздилась какая-то система аппаратов. Удивительно, но у него был вполне здоровый цвет лица, хотя явно он был без сознания. Катерина опять замолотила о том, как она пытается вернуть его в сознание и что есть положительная динамика.

— Вы знаете, Боря уже реагирует, когда я покалываю иглой его ногу. Я лучше чувствую его. Вообще, я вам скажу, у меня твердое ощущение, что он чувствует меня и мое присутствие. Он даже реагирует на меня, а медсестры не чувствуют этого, и они не всегда правильно реагируют.

Через минут тридцать появилась старшая медсестра. У нее был не очень довольный вид. Строгим голосом она сообщила:

— Госпиталь делает все возможное, все, что необходимо в таких случаях. Пациент находится под наблюдением врачей, но случай особенный, сложный. Весь госпиталь в восхищении от мадам, которая демонстрирует невиданное мужество и самопожертвование. Однако не следует думать, тем более подозревать, что медицинский персонал что-то скрывает или недостаточно ухаживает за пациентом, — и так далее и тому подобное в том же духе. Я опускаю подробности, поскольку все это были повторы уже сказанного.

Катерина пыталась робко, но твердо оппонировать. Она лучше чувствует, что необходимо Борису, когда его следует перевернуть на другой бок, когда нужно поменять физиологический раствор. В общем, без нее как без рук. Очевидно, именно это и раздражало старшую медсестру. В конце концов после длительной беседы старшая медсестра предложила нам поговорить с врачом.

Мы оставили Катерину в палате и пошли к врачу. Доктор оказался веселым загорелым парнем лет тридцати пяти. Док скорее был похож на капитана корабля, чем на доктора. На стенах его кабинета торжествовали красивые карты морей. На полках стояли макеты кораблей. Он сделал усилие и убрал очаровательную улыбку с лица. Его голос звучал очень уверенно, но отчего-то эта уверенность не передавалась нам. Слова врача легко соскальзывали, не застревая в сознании.

— Да, случай трудный, но остается надежда. Динамика пока вялая, но в жизни все бывает, и не следует отчаиваться. Кстати, — добавил наш лоцман от медицины, — у него есть хорошая добровольная помощница — его супруга. Мужественная, восхитительная женщина, только слишком мнительная. Ей все кажется, что он чего-то недополучает или получает, но не вовремя.

Когда я поинтересовался морской тематикой, к капитану вернулась его потрясающая голливудская улыбка. Он оказался большим любителем яхт. Настоящий спортсмен. Захотелось пропеть ему: «Только смелым покоряются моря!» К нему опять вернулась его потрясающая улыбка.

Мы поблагодарили доктора и пожелали ему успешной навигационной деятельности на благо больных. Мы вернулись в палату и направились уже все вместе к машине. На этот раз я знал дорогу, и мы довольно быстро добрались до дома Катерины. Я полагал, что на этом наше или, по крайней мере, мое участие закончилось. Но увы, Катерина стала настаивать, чтобы мы заглянули к ней перекусить. Последнее, чего мне хотелось в этот момент — это запихивать в себя еду. Мы вошли в ее квартиру и закурили. Что может быть лучше сигареты после посещения больницы? Сергей Николаевич, как всегда, засмолил свой «Беломорканал». Почему-то запах его папиросы теперь не показался мне таким уж ядовито-едким. Катерина пошла на кухню что-то готовить вопреки нашим протестам, а я стал разглядывать обстановку. Раскладной диван, три стула, письменный стол, книжный шкаф со множеством англо-русских специальных

словарей, обеденный стол. Грязноватые стены и дешевые бумажные лампы усиливали ощущение прячущейся, не очень умело, бедности. Катерина принялась накрывать на стол. Ее ловкие движения мгновенно преобразили стол. Она быстро настрогала салат, приготовила макароны. Всплеснула руками:

— Ой, алкоголя у меня нет. Совсем забыла. Может, я сбегаю в магазин...

— Да что вы. Ни в коем случае, — перебил ее Адамов, который все это время спокойно сидел и курил.

Мы принялись за еду, хотя есть вовсе не хотелось. Я сумел сторговаться на небольшую порцию. Разговор никак не задавался. Услужливость Катерины еще больше сбивала с толку (вам соли, перцу, еще добавить, вы совсем ничего не едите, а уже три часа, пора обедать). Наконец она успокоилась, и потекли ее воспоминания, но она опять возбудилась от этих воспоминаний.

— Вы знаете, мы долго не расписывались, а потом перед отъездом Боря настоял на формальном браке, хотя мне он не нужен был, особенно после того, как я ребенка потеряла. Очень уж власти гоняли меня отовсюду. Доносы, чуть что узнают обо мне... сплошные ничтожества, злобные до ужаса. Бесчеловечно все это было. Вот и догоняли... А Боря всегда мне говорил, что жизнь состоит не в том, чтобы найти себя. Смысл жизни заключается в том, чтобы создать себя. Для себя, для самого себя, чтобы понять жизнь и себя в этой жизни. Обстоятельства жизни способны все изувечить, поэтому главное — это вернуть себя себе.

Она помолчала, поджав губы. Слова не давались ей никак. Наконец хозяйка преодолела себя.

— А во время перестройки его выпустили за границу, и Боря уехал в Женеву. Уже отсюда он стал мне советовать, как лучше действовать. Он говорил, что Прибалтика отколетя. Это ему было очевидно в Женеве, а у нас тогда так не думали. В общем, по его совету я поменяла свою однокомнатную квартиру в Москве на комнату в коммуналке в Риге. Это было невыгодно, я не очень соображаю в бизнесе. Да это и неважно. Потом меня оттуда вытеснили, поскольку я не титульной нации (голос ее изменился), как мне это разъяснили. Но я и не жалею, так как мне из Латвии было легче выбраться. А сейчас все жду, — повторяла с напором она, — жду, жду Борю. Он мне очень нужен сейчас... — после паузы, — живой и здоровый, — в ее голосе зазвучала надежда. — Вы же знаете, какой он. Он удивительный... Может, ему кто-то препятствует?

— Да ну что вы! Никто ему ни в чем не препятствует. Некому здесь бороться с ним, да и незачем, — сказал Адамов. Он поблагодарил хозяйку мягко, но властно. Вопреки ее просьбам «еще побыть» стал раскланиваться. Мне показалось, что ее глаза стали еще более голубыми. Катерина хотела что-то сказать, но осеклась, подчиняясь авторитету Адамова. Меня она тоже поблагодарила за помощь, за перевод — в общем, за все.

Я не удержался и спросил ее:

— Как же вы справляетесь без французского языка?

С совершенно беззаботным видом Катерина ответила:

— Легко и просто. Меня навещает представительница благотворительной организации, которая плохо, но уже понятно изъясняется по-русски. Название организации я не помню. Эта организация вместе с конькобежной ассоциацией оплачивает пребывание и лечение Бориса в госпитале. Я настояла на телефоне, — продолжала Катерина, — и они в конце концов согласились оплачивать его, если я не буду им пользоваться (только два звонка в месяц). Я согласилась. Я надеюсь, нет, я уверена, — сбивчиво говорила Катерина, и голос ее опять начинал дрожать, — что это должно скоро произойти.

— Что именно? — переспросил Адамов.

— Звонок Борин, — сказала Екатерина очень твердо. — А может, вы им позвоните, Сергей Николаевич?

— Да кому же, Катерина? — удивился Адамов.

— В организацию или в ассоциацию. — В ее голосе было столько надежды. Мне показалось, что ее голос окреп и сама она обрела некую решительность — Они вас очень уважают и точно слушают.

Голос Адамова стал мягче.

— Ну что вы, Катя, что вы! Боря должен сам позвонить, а разговоры с непрофессиональными людьми из благотворительных организаций ничего не дадут. Мы уже пообщались с врачом, и он отметил положительную динамику.

— Да, Сергей Николаевич, он очень любезен. Практически всегда. Да куда вы так торопитесь? Ой, я виновата, что забыла про бутылку.

Но Адамов решительно двинулся на выход, я за ним.

Наконец мы выбрались из ее берлоги. Мои сигареты кончились, и я закурил предложенный горлодер «Беломорканала». Некоторое время мы ехали молча. Потом я не выдержал и спросил:

— Сергей Николаевич! Долго ждать выздоровления?

— Как биолог я вам скажу совершенно определенно: недолго, потому что его вообще никогда не будет. Не предусмотрено никакого выздоровления. Это медленное угасание.

— А за что он сидел?

— А разве нужно сидеть за что-то? За свободу передвижения. Он захотел остаться в Женеве. Ему предложили постоянный контракт во Всемирной организации здравоохранения, где он трудился переводчиком. Борис согласился и стал тем, кого называют дефектором. Его стали отговаривать те, которые представлялись советскими дипломатами из миссии, то есть советского представительства. Подключили жену, дочь, уговаривали вернуться, обещали, что ему за это ничего не будет, а вот если он не вернется, то они пострадают. В общем, уговорили. Он вернулся. Мы встретились в мордовских лагерях.

— А что же было потом?

— А потом Борю выпустили, за него хлопотали на Западе, в том числе и эта конькобежная ассоциация. Каждый год она направляла запросы, адресованные советскому правительству. Интересовались судьбой Бори, где он, здоров ли. Смешные люди с их замечательными вопросами, вроде такого: а почему он сам не может написать нам свой ответ? На его счастье, началась перестройка, а он к тому времени был уже на свободе. Общался с иностранными журналистами, кстати, развелся, не любил даже говорить о жене и дочери. Где-то встретил Екатерину. В конце концов его выпустили за рубеж, но вначале одного. И только через год-два выпустили его жену, и наконец Екатерина приехала к нему. Беда только в том, что когда они воссоединились и все уже, казалось, стало на свои места, все в одночасье и рухнуло. Он упал неудачно на катке и ударился головой со всего маху. С тех пор он без сознания. Он не вернется. Но мы не будем этого говорить Катерине. Остальное вы уже знаете.

За разговором незаметно мы доехали до отеля Адамова. Он поблагодарил меня, и мы распрощались. Поездка в горы отпала. Я погулял по городу. Накатило воспоминание, как Женева молодилась под нашествием весны. Фонтан все так же настойчиво взмывал вверх на фоне задумчивых гор Салев и Альп, окруживших Женевское озеро подобно огромным кускам швейцарского шоколада. Народ спешил завершить покупки, так как в воскресенье все обычно закрыто — народ отдыхает. Веселая суета, одно слово шопинг. Вот девушка встретила своего парня, и они застыли в поцелуе, казалось,

навечно. Вот спортсмены бегут так, как будто надо успеть выиграть марафон. Вот дети ругаются из-за игрушек, а матери пытаются их утихомирить. Одновременно крутились сцены в больнице и в квартире Закатова. Все мешалось и туманилось в голове. У фонтана было так неправдоподобно спокойно. Близился вечер, а вечером я встретился с коллегами. Они посетовали, что я пропустил такую поездку в Альпы. Замечательная погода и замечательный день. Не мог не согласиться с ними, но воздержался от ответов на их расспросы о том, что помешало слиться с коллективом.

Все это было давно и ушло в прошлое, кануло в Лету. Кто теперь вспоминает о диссидентах, дефекторах. Само слово «дефектор» вряд ли понятно сегодня.

Я завершил свой рассказ и поинтересовался у Зимина:

— Саня, как тебе сюжет? Женщина потеряла ребенка, квартиру, место жительства — все. Ради чего, спрашивается? Во имя любви! Говорят, так не бывает. Оказывается, еще как бывает. Что там МХАТ? Театр отдыхает. Надо только уметь разглядеть. Вот тебе и пьянь болотная, — не удержался я и поддел Сашу.

Мой товарищ молчал.

— Сражен наповал. С одной стороны, я тронут, а с другой — нашел ты ей ссылку. Тоже мне, декабристка!

— Ты знаешь, во времена Древнего Рима в Женеву, где били тогда не фонтаны, а правочеловеков, были болота и гнилой климат, куда и вправду ссылали каторжан. — Вступился я за декабристку. — Такие худенькие долго не могли протянуть. Откуда у нее только силы взялись все вынести? Впрочем, все это в прошлом. Саня, а где она? Что с ней? Жива ли вообще Катерина?

— Не знаю... она пропала. Я давно ее не видел.

Неожиданно с жаром Саша набросился на меня:

— Нет, ты мне скажи, кому и зачем нужно было раздавить эту хрупкую женщину? Только за то, что она осмелилась полюбить не того парня? У него не сложились отношения с государством, но для чего могучей советской власти такая победа? Кто в выигрыше? Может, не там врагов искали? Зачем эта безжалостно неутомимая власть? Да только за одно за это можно расстрелять ее.

— Саня! Ты как Алеша Карамазов... Расстрелять — ведь это и есть большевизм.

— А может, какая-то ошибка в правилах жизни? — не унимался мой *vis-à-vis*. — Не должно быть никакого инакомыслия. Что важнее: правила жизни или люди с их пусть и неправильной, но со своей жизнью?

Он замолчал надолго, и шум в баре стал слышнее.

Наконец Саша выплыл из своей тишины.

— Ну что, погрустим-попечалимся и забудем, чтобы не расстраиваться слишком сильно и долго? Что-то мы теряем... и уже потеряли. Мы потеряли главное — неповторимых советских женщин. Таких больше нет!

— Саша, мы потеряли страну и много другого, например наше удивительное советское кино. Вероятно, от потерь на стыке времен и Советский Союз развалился.

— Ты все о глобальном тревожишься. А я тебе о конкретном человеке, о сломанной судьбе, о произволе. Послушай, может, произвол в природе человека, а гуманизм — это лишь выдумки идеалистов? Мне вот родители внушали, что хороших людей больше. Однако жизнь не торопится подтвердить эту истину.

— Ты — философ, Саш. Тоже удивляешься несовершенству мира? То есть миссия не выполняма?

— А в чем она, миссия? Надо понять, что нужно выполнить. Как говорил Закатов? Обстоятельства жизни могут все изуродовать, поэтому необходимо найти, создать и вернуть себя для себя.

— Видишь, мы уже цитируем тех, кого не ценили по жизни. Приходит новое понимание. Возможно, так замысловато доберешься и до понимания чего-то важного, например своей миссии.

— То есть миссия выполняема?

— Это мы узнаем потом, если вообще узнаем.

На этом мы покончили с нашей миссией и разошлись каждый со своим вопросом и со своим пониманием, но без ответа.

Миссия выполняема?

ПОСЛЕДНИЙ, СЛУЧАЙНЫЙ

Мы думали о фильме. Мы обсуждали, как лучше сделать его гениальным, нет, конгениальным, чтобы все замерли. У нас был главный критерий — «нет, от этого не замрут!» Мы свято верили, что нам предначертано сделать так, чтобы эта фильма стала эпохой.

Эпохой должен был стать сюжет о падении СССР. Крушение монолита власти, монолита идеологии, монолита экономики, монолита дум, монолита всего — на фоне зарождающейся любви. Да, любовь спасет мир, ведь любовь и есть сама красота. Мы обсуждали сценарий, переписывали его каждый день, но что-то не давалось нам. Нужен был какой-то важный ход, который затягивал бы зрителя бесповоротно в омут нашего действия. Сюжет должен был тянуть за собой внимание с такой же силой, с какой тянет конек профессионального фигуриста по льду. После бесконечных дискуссий мой товарищ сдался: он предложил позвать знакомую сценаристку. Я не разделял его пораженческих взглядов, но не хотел ссориться и вяло сопротивлялся.

Он уверял меня, что его протеже уже имела пару-тройку фильмов, поставленных хорошими режиссерами с участием довольно известных актеров. Но это меня и настораживало — я их не знал. Я ничего не слышал о названных деятелях кино. Однако моего товарища это не смущало.

— Ты просто оторвался... Это все известные и достойные люди. А она — великолепный сценарист. Она знает, как сделать беспроектным фильм.

— Вот это-то меня и пугает, — не соглашался я. — Что значит «беспроектный»? Чтобы отбить все затраты? Но мы же хотели сделать такой фильм, чтобы можно было хотя бы не стыдиться, а может, даже и гордиться авторством. А теперь ты все сливаешь...

Мой товарищ не соглашался. По его словам, надо было превратить литературный сценарий в киносценарий. Но я все еще трепыхался.

— Нам скорее нужен режиссер, чем сценарист, тем более еще один. Это только осложнит работу и вызовет ненужные споры.

В конце концов я устал от бесконечных дискуссий и сдался под натиском кинотарана, который знал, как завлечь продюсеров. Последнее обстоятельство перевешивало все аргументы, оспаривавшие его позицию.

— Нам нужно с ней встретиться, — настаивал мой товарищ.

Чувствуя, что спасения нет и быть не может, я задвинул в далекое далеко свое мнение и угрюмо согласился.

Была назначена встреча в ресторане Дома кино. В нерадостном предвкушении я отправился на киновстречу. Поздним утром мы встретились с моим соратником у Дома кинонадежд и направились в ресторан. Она опоздала минут на сорок, как и положено маститому владельцу пера при встрече с подмастерьями. Размахивая роскош-

ным телом, яркая блондинка стремительно подлетела к нашему столику. Ее провожали глазами редкие посетители ресторана, что укрепило наши мечты.

— Сценаристы предпочитают блондинок, — успел я тихо бросить реплику товарищу. — Значит, мы на правильном пути.

Улыбка симпатичной женщины внушала доверие, глаза источали приветливость — ну конечно, это знак успеха! Итак, она звалась Лера. Лера ошеломила нас комплиментами.

— Вы знаете, что вы натворили? Эта грандиозная тема. Ее еще никто до вас не трогал. А мы потрогаем. Тема вызовет колоссальный интерес у публики. Сейчас вообще в моде недавняя история СССР, а тут распад страны.

Мы ощутили подъем. Сейчас гуру покажет нам, как следует пробираться через запутанный лабиринт поворотов сюжета.

— Нужно стройно переплести линии, чтобы сюжет заиграл всеми цветами радуги, — продолжала наша воспитательница. — Мы превратим ваш литературный сценарий в шедевр. Это будет конфетка, а не киносценарий. Сам Феллини, будь он жив, позавидовал бы, что не смог участвовать в этом замечательном кино. Да и Бергман тоже.

Ее уверенность начинала заражать нас, хотя безапелляционность суждений немало смущала нас. Я боюсь употребить слово «беспардонность», но почему-то она мне напомнила таких уверенных в себе и во всем женщин, которые неистребимы в театре, потому что они знают, когда нужно кричать «браво!» громче всех. Я заказал кофе для духоподъемности и уверенности.

Наша кинокоормчий решительно вела нас к цели.

— Во-первых, у вас герой, а надо сделать несколько героев и пренебреженно студентку, — объясняла она сверхзадачу. — Нам нужно охватить молодежь, чтобы она почувствовала сопричастность к событиям недавнего прошлого, чтобы заиграла история в душах юных, неокрепших, но мятущихся, как сама революция. А вы знаете, еще лучше будет, если в самой гуще событий, в центре всего и вся будет героиня, пусть даже одна. Я сама совсем девушкой («Почему совсем?» — подумал я, но промолчал, дабы не сбивать накал ее эмоций) ходила на эти баррикады. Это было очень круто.

— Тогда этого слова не употребляли в таком смысле, — заметил я осторожно.

— Неважно, — срезала она меня, но сомнения продолжали тревожить сознание. — Главное, что она влюблена, и любовь вместе с революцией озаряет ее. Это первая любовь. И она мечется между выбором: поэт — романтический интеллигент с одной стороны, а с другой — совсем не тонкая и даже где-то грубоватая натура — рабочий, который сооружает баррикады у Белого дома. Первая любовь и первая революция — вот лейтмотив зарождающейся новой жизни.

— Но позвольте, две стороны еще... не много ли сторон? И потом, как это первая революция? У нас были революции и раньше, — продолжил я свою оппортунистическую линию. — Вы же говорили, что необходимо стройно завязать все сюжетные линии.

Но вновь меня — как несмышлениша — поправила лидер сценарного цеха.

— Не цепляйтесь за мелочи. Да, были еще революции в нашей стране, но это были не те революции. В конце концов, мы же не учебник истории излагаем. Мы пишем нашу историю отношений о зарождении любви на волне революции. Имеем же мы право, наконец, на художественный вымысел. Не следует все понимать так буквально. Я помню эти толпы чужих людей, но одновременно близких в чем-то друг другу. Я помню их энтузиазм, речи, подогреваемые алкоголем, и какую-то безумную вольность во всем. Эта вольность пьянила людей. Каждый чувствовал себя удивительно свободным. Было ощущение, что теперь можно все. Я была там и помню, что я почувствова-

ла себя абсолютно свободной. Свобода — это была сама я! Вот что нужно показать, — почти продекларировала наша анархистка. Редкие посетители посмотрели на нас с особым интересом.

— Представляете, — продолжала она, все более увлекаясь. — Выбор между тем, кого полюбить, и выбор революции. Помнится, это было как в сказке. Как на картине Врубеля всадник у камня на распутии. Романтическая любовь или грубая, но настоящая любовная жизнь, пусть и опасная, но чувственная. Либо «жить по-старому», либо идти неизведанной дорогой. Но это будет дорога свободы! — заключила она с пафосом. — Мать, конечно, не поддержит такой выбор. Ее имя будет редким — Серафима Сигизмундовна. Я уже решила, пока читала ваш опус... это обсуждению не подлежит. Так звали мою бывшую свекровь, чтоб вам никогда не попасться ей на глаза.

— Вы так стремительно развиваете сюжет, что мы едва поспеваем за ходом вашей мысли. Кстати, помнится, то был Васнецов, а не Врубель. Вы говорите, что надо сплести все характеры. А как же эта подмена, то есть замена персонажей? Наш герой должен предотвратить покушение на президента. Кто это будет делать? — заметил я.

— Как кто? Наша героиня... назовем ее, скажем, Алевтиной, что означает «чуждая дурного», или Анисия — «сладко пахнущая». Если не нравятся эти имена, то могу предложить вам Глафиру — «утонченная», или Гориславу, то есть «разжигаящая славу». Так вот, наша Алевтина сама сумеет отвести любимого от покушения. Назовем его Ярослав. У меня сын Ярослав, — торопливо добавила она голосом, не терпящим возражений. — И покушение совершит у нас рабочий Ярослав. Так что мы сразу же даем отставку поэту. Поэт будет у нас просто фоном. Он будет олицетворять собой никчемный застой прошлой жизни, когда уже не то что Блок, но даже Бодлер не могут пробудить, а точнее, возбудить личность.

— А почему должен рабочий покушаться на президента? — поинтересовались мы.

— Да я сама чувствую здесь какую-то незавершенность. Пусть покушается на президента член Политбюро ЦК КПСС, а наш Ярослав остановит его. Тогда нам не придется придумывать, куда его деть позднее.

— Член Политбюро сам лично покушается на Ельцина? Это как-то с трудом представляется, — засомневались мы.

Но Лера легко развеяла эти сомнения.

— Уговорили. Не член, а рабочий Ярослав. А на первом этапе революции — я уже придумала — наша Алевтина отдается ему в троллейбусе. Там ведь были троллейбусы, я точно помню. Хотя бы один, да был. Голубой такой.

Я не удержался и предложил:

— Сцену любви лучше сделать под песню Булата Окуджавы. Со словами:

Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
В последний, случайный.

Ее ответ озадачил:

— Да, да. И еще раз да! Это будет здорово. Но беда в том, что надо платить большие деньги за роялти родственникам Окуджавы.

— А что же будет с тем сюжетом, что мы уже отработали? На свалку истории? — наконец поинтересовался я. — Это была работа ума и сердца. Сложно от всего этого отказываться.

— Вы знаете, сколько сценариев лежит в Голливуде? Километры полок и шкафов, а голодные режиссеры бегают с нехорошим блеском в глазах в поисках чего-то нового, неподвластного времени. Это я вам ответственно говорю. Со всей большевистской прямоотой. Но это же должен быть полный метр. Это предопределяет все. Полный

метр есть полный метр, — снисходительно наставляла она нас. — Тут уж не до сантиментов. Вот я вам прочту стихотворение.

Мы прослушали ее декламацию и ничего не поняли. К чему это стихотворение?

Чтобы не ударить в грязь лицом и показать, что мы тоже не чужды поэзии, я заявил:

— В ответ на ваше есть у нас и наше! Оно очень даже подходит к настоящему моменту. Давным-давно я, как будто специально к нашей встрече, написал его... как чувствовал.

И зачитал свое пародийное подражание нежному хулигану Сергею Есенину.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Да, ничего здесь не видать!

Я кильку спутал с папиросами.

Не раз, не два, не пять...

Пытался я ее размять.

Теперь лицом в салате я

На расстоянии мучаюсь вопросами.

Мне показалось, что какой-то оттенок ее лица стал мучительно-сиреневым. Я даже подумал: разве бывают сиреневые лица? Но тем не менее мне так показалось.

— Ой, мне уже пора. — защebetала она и еще больше похорошела, притянув к себе взоры. — Если что надумаете, обращайтесь. — Она решительно встала и пошла, качая бедром, как девушка веслом.

— Ну что скажешь, дружище? Похоже, вы не очень-то спелись, — поддел меня мой товарищ, когда она скрылась, провожаемая одобрительными глазами редких посетителей ресторана. Ресторана, где погибал сценарий. — Это же полный метр, понимаешь.

— Да, красавица, и видно, давно привыкла к комплиментам. Наверное, с детства. Мы здесь сидим в ресторане и смотрим, как гибнет сценарий. Вот так рушится вера в человечество.

— Послушай, Спиноза, я тебя не о том спрашиваю. Выше стропила, плотники, — призвал меня мой товарищ Сэлинджером. — Оторвись от впечатления. Что будем делать? Это полный метр.

— Нет, я не понимаю, какая разница — полный или короткометражный фильм? С каких это пор съемка меняет всю концепцию? Я могу понять, что в искусстве способ подачи материала может усиливать или оказывать дополнительное воздействие на читателя или зрителя. Но не может он менять кардинально концепцию и весь замысел фильма! — расшумелся я.

— Послушай, сценаристы — это невидимые создатели фильмов. Режиссер и актеры реализуют то, что написано сценаристом, чьим именем никто даже не интересуется. А сценарист и есть самый главный невидимый творец и создатель фильма. Это он придумывает сюжет и выстраивает интригу событий.

— Тебя послушать, так режиссер и актеры просто приставка к сценарию. У Феллини, у Бергмана бывали разные сценаристы, а их фильмы узнаваемы, потому что почерк один. Сценарист первым прикасается к теме и задает ей ход, но потом уже режиссер выстраивает действие, которое реализуется актерами опять же согласно его видению сценария. Именно поэтому я не хочу портить сценарий на столь ранней стадии. Может, его время еще не пришло. Его можно разослать повсюду, куда только стоит рассылать. К этой теме когда-нибудь вернуться, и тогда наступит его час. Тема на самом деле интересная.

— Но это будет потом, а нам надо сейчас.

- Ты знаешь, друг Горацио, я открою тебе один секрет.
 - Какой? — поинтересовался мой товарищ.
 - Не хочется быть последним, тем более случайным.
- Мы расстались. Каждый при своем мнении. Последнем, может, и случайном.

ЗУБНАЯ ЩЕТКА

Это было в прошлом веке. Хорошее начало... Легко писать о прошлом веке, если родился в середине столетия и прожил более половины оного.

Итак, начало семидесятых годов двадцатого века. Не будем касаться того, чего тогда не могло быть. Ну, не было компьютеров, мобильных телефонов, устройств дистанционного управления телевизорами, как и умных телевизоров и умных домов, кухонных комбайнов и многих других полезных и ненужных вещей, без которых люди тем не менее жили и при этом, случалось, были счастливы. Но было и что-то такое, чего не встретишь сегодня. Например, рекламу заменяли лозунги, на которые мало кто обращал внимания, но зато они были! Даже где-то как-то скучно без них. Коммунистические заветы создавали особое ощущение жизни, и при этом человек человеку был друг, товарищ и брат. Недобрые остряки, правда, заменяли слово «брат» на слово «волк». Но это была бессмысленная подмена понятий, такой неправильный юмор. На самом деле каждый, то есть ты, жил не просто так, а со смыслом. Преодолевал временные трудности и пусть даже страдал. Да, пусть мучился, но все для будущего. А будущие поколения должны были жить лучше, потому что они должны были жить в будущем при коммунизме. Это напоминало идеализм, но марксизм-ленинизм боролся с идеализмом. Поэтому идеализма формально не существовало в нашем обществе. А идея была красивой: страдаем сегодня ради светлого будущего. Жизнь была наполнена и даже переполнена ожиданием чего-то неповторимо хорошего, пусть даже далеко впереди. Бытие было озарено каким-то особенным прекрасным красным цветом. И были слова, и были понятия, которых сегодня никак невозможно встретить. Скорее встретишь динозавра... впрочем, эти понятия сами стали динозаврами сегодня. Например, достоинство, порядочный человек, скромность. Теперь про скромность сказали бы: да, скромность украшает человека, когда больше нечем его украсить или когда нет других достоинств. Богатства не было, а над мещанством и вещизмом издевались. Говорили с презрением: такого-то назвали интеллигентным человеком, потому что у него хорошая квартира! Да, то была пора больших надежд на все светлое. Нужно было только потерпеть, подождать. Все вокруг было пронизано ожиданием. Вся полнота жизни определялась полноценностью ожидания. Таким же особенным смыслом было наполнено ожидание поездки в неведомую заграницу.

Сегодня куда только не едут наши туристы. Были бы только средства. С апломбом вам могут изложить авторитетное мнение об отдыхе на Карибах, Мальдивах, Сейшелах или на худой конец в Турции. Вас поразят вдохновенным рассказом о путешествиях, необычайных приключениях, так что истории детей капитана Гранта покажутся смешными забавами для малышей. Все эти экзотические названия в лучшем случае напоминали красивые почтовые марки, да и то только тем, кто их собирал.

Тогда дело было вовсе не в деньгах. Они не будоражили сознание. Я бы даже сказал, деньги сами себя разоблачали своей бессмысленностью. А заграница... заграница — это был аромат чего-то совсем запредельного.

Судьба распорядилась наградить меня этим флером сказочного — практикой в советском дипломатическом представительстве в Женеве. В самом названии города бы-

ло что-то завораживающе женственное: не то жена, не то Ева, а рядом — вода, озеро и Его Превосходительство фонтан. Ну куда ж без него!

Тем не менее, потрясенный, я выслушал эту новость с непроницаемым лицом, давая понять всем, всем, всем, что для меня поездка в Женеву на полгода — это, ну, как сгонять в Малаховку на выходные. Но я, наивный, не подозревал, что это только благоприятное созвездие капризных обстоятельств. Моя фигура слишком рано приобрела некоторую осанистость. Необходимо было преодолеть разные инстанции. А для этого требовалось умение, как в беге с препятствиями. И с какими!

Главный человек из спецотдела нашего института по кличке Мих-Мих долго вчитывался в мою характеристику. Весь его вид показывал, что никакая эксцентрика не сможет ввести его в заблуждение. Решительность спецназовца не оставляла сомнений в готовности немедленно пресекать любые непозволительные действия и — что еще важнее — недопустимые мысли. Казалось, внимательный взгляд вот-вот просверлит через очки мою характеристику на выезд и меня заодно.

— Какая-то была опечатка! — бодро воскликнул он с видом охотника, загоняющего дичь в западню. — Была опечатка... где-то я ее видел. Весьма и весьма важная.

Я похолодел и почувствовал себя арестантом, которому вот-вот откажут в обещанной свободе. Ну, не может этого быть! Я сам печатал свою характеристику, благо дома у родителей была дефицитная печатная машинка «Оптима» из ГДР. Я считывал этот текст пять раз, и моя персона была представлена, как и подобает в таких случаях, в качестве политически грамотного, морально устойчивого студента. Но опытный егерь Мих-Мих нашел-таки лишний пропуск между словами и не нашел одной запятой.

— Я могу вставить запятую, — жалобно протянул я, но тщетно было взывать к милосердию. Не на паперти! Жалкие слова, на которые цербер спецотдела даже не обратил внимания. Я не заметил, как моя фигура потеряла внушительность.

— Выездная характеристика для преддипломной практики за границей — это политическое мероприятие, которое требует собранности. Текст должен быть безукоризненным. Не забывайте этого. Идите и работайте. Старайтесь, и вас заметят! — призвал он меня с легким чиновничьим задором.

Отчаянное положение. Что делать? Хоть плачь! Но спецотдел слезам не верит, особенно если речь идет о выезде! Нужно было не только перепечатать текст без опечаток, но еще и вновь подписать характеристику у треугольника. У тех же студентов, но облеченных полномочиями лидеров комсомола, профсоюза и парткома. Ловить их во время экзаменационной сессии было как прыгать с нераскрывшимся парашютом. Времени совсем не оставалось: необходимо было еще получить визы в швейцарском и австрийском посольствах.

Когда я посетовал дома на эту чудовищную бюрократию, отец рассмеялся и посоветовал привыкать ко взрослой жизни.

— В жизни, дружок, обстоятельства крайне редко выстраиваются в одну прямую, удобную для скольжения в нужном тебе направлении.

— Нет, ты скажи мне, — наседал я на него, — почему они так любят нас пытать?

— Еще бы вас не мучить? Вы в заграницу собрались, а они здесь остаются. Вы — молодые, избранные в особенное общество удачников, а они уже старые грибы. Шнурки от надоевших ботинок Их в утильсырье и то не возьмут.

Эти крамольные мысли еще больше удручали.

Наконец, Ее Сиятельство ценная бумага готова и подписана, кем надо. Можно было идти на выездную комиссию. Выездная комиссия — это вершина пирамиды уважения. Здесь заседали ветераны труда. Знатоки стойкости. Им было подвластно все! И они

знали все. Здесь задавали самые скользкие вопросы, и народ соскальзывал, получая жуткий гриф «невъездной». Однако были и успешные бойцы невидимых инструкций. Они вырывали зубами статус «выездного», вызывая свирепую зависть, граничащую с лихорадкой у менее успешных.. Но не упадите! Держитесь друг за друга! В конфликте отцов и детей не всегда правы отцы. Мою характеристику утвердили галопом. На мое самоварное счастье, я был последним. Под самый занавес уставшие за длинный рабочий день — а утверждение характеристик есть сизифов труд, — обычно непримиримые ветераны на этот раз лишь спросили меня, когда ввели погоны в Советской армии. Вопрос был каверзный, и многие спотыкались на нем. Случайно я знал правильный ответ, и прежде чем инквизиторы отмщения с совершенно безобидным видом успели договорить свой издевательский вопрос, как я врезал свой ответ: «1943 год», чем вызвал одобрение у комиссаров политинформации, продемонстрировавших одновременно добродушие негодяев и разочарование филантропов. Никто никогда и ни за что не узнает, зачем был задан этот вопрос. Но он был поставлен ребром, и я преодолел это ребро. Своим вопросом они установили прямую связь между погонями в Советской армии и деятельностью ООН в Женеве.

Молниеносность прохождения этой исключительной процедуры вернула мне пошатнувшееся было хладнокровие. Дома я поделился своим успехом с небрежной важностью. Игнорируя мою надменность, отец огорошил меня болезненным замечанием:

— Интересно, а почему тебя отправляют поездом до Вены, где будет пересадка, потом другим поездом до Цюриха, а там еще одна пересадка на поезд до Женевы. При чем прибытие в Вену утром, а отъезд из Вены — только вечером. Нет чтобы отправить тебя Аэрофлотом хотя бы до Цюриха, а оттуда — в Женеву.

— Может, из экономии валюты, — предположила мать.

Но отец отмел эту догадку. Его больше тревожило другое.

— Евреи, покидающие СССР навсегда, едут тем же поездом в Вену, где их перераспределяют, кого в Израиль, кого в США, кого еще куда-то. Будь осмотрителен и не попади в какую-нибудь передрагу. Избави Боже тебя взять у них какую-нибудь вещь.

— Какая передрага? Какую вещь? О чем ты говоришь?

— Чемодан, сумку... я не знаю, что они могут тебе подбросить. В общем, ничего не бери ни при каких обстоятельствах. Ни при каких! — надавил он. — Понимаешь, ни при каких обстоятельствах, что бы там ни было, — повторил он с непривычным напором.

Его серьезность вселяла тревогу. Мне показалось, что какая-то опасность подстерегает меня уже сейчас, прямо здесь, в Москве, еще до моего отъезда. Обстановка могла и должна была накалиться. Более того, за день до отъезда отец поведал мне, что в Вене меня встретит его знакомый, который работает в нашем торгпредстве в Австрии.

— Что особенно важно, — подчеркнул отец — ты его уже видел. Однажды. Во время нашего семейного похода в театр. Он поможет, если что.

Последние слова «если что» еще больше усилили мою тревогу. Наставления, предостережения отца, предотъездная суэта — все это лихорадило. Складывалось впечатление, будто меня посвятили во что-то особенное, доверили важную тайну, которую я призван был беречь. Я начинал чувствовать себя членом тайного общества, инкогнито с особыми полномочиями, которые мне при этом позабыли раскрыть, поскольку я еще не созрел, не дорос до ответственного уровня. Это пробудило во мне бдительность, и я как-то поинтересовался у отца.

— Послушай, твоего знакомого из торгпредства в Вене я видел, а как быть с нашими сотрудниками в Женеве? Меня встретят люди, которых я никогда не видел. А если это злоумышленники? Как я их отличу от настоящих сотрудников?

Отец задумался и провозгласил. Вид у него при этом был архисерьезный.

— Заинструктировали тебя вконец! — заключил папа философски.

Затем он выдал логически стройную конструкцию:

— Не расстраивайся. Будь осмотрителен. Не торопись выходить из вагона, когда приедешь.

Отец любил практическую помощь. Он стал собирать мой чемодан. Надо отдать ему должное: он был настоящим кудесником в этом деле. Там, где у меня получалось два чемодана, отец умудрялся собрать один. И это несмотря на то, что мать предлагала взять побольше вещей, поскольку мне предстояло преодолеть лето, осень и зиму, а в Альпах — непредсказуемый, горный климат. Особенно она настаивала на нашей зимней шапке-ушанке, опасаясь за мои уши. Я сопротивлялся, как мог, доказывая, что до минус десяти я вообще не ношу шапок в Москве, а в Женеве в разы теплее. После долгих споров (ведь там горный климат, страшно непредсказуемый!) пришлось сдаться. Наконец чемодан был собран. В последний момент я вспомнил о зубной щетке. Отец уложил и ее, а в самый последний, последний момент доложил еще и зубной порошок. Он верил, что все эти зубные пасты — сплошное баловство для апологетов капитализма и толку от них никакого. А для зубов, наших зубов, настоящих зубов волка нет ничего лучше зубного порошка!

Вечером мы посидели, выпили на дорожку, поговорили ни о чем. Успокаивали маму, что «нет, нет, зимние ботинки и теплые носки не забыты, равно как и летние рубашки». Наконец мы разбредлись и легли спать.

Ночью мне приснилась огромная потрепанная ушанка. Она наезжала на меня и, размахивая шнурками, вопрошала мефистофелевским голосом: «Будешь блюсти правила поведения советских граждан за границей?» Затем появлялся Мих-Мих — почему-то в милицейской форме, — недоброжелательно отдавал честь и, размахивая огромной зубной щеткой, мстительно вещал: «От него все равно никакого толку не будет! Он нарушит инструкцию, — и добавлял злобно: — Блудный сын! Блудный сын вернется! Принцип восторжествует!» Так начиналась моя стажировка.

Потрясенный, чувствуя себя почти дезертиром, я проснулся в шесть утра, так и не узнав трагической развязки сна. Все еще спали, кроме неумолимых часов. В такт часам мысли запрыгали в разные углы моего все еще разобранного сознания.

Как там будет, в этой Женеве, у фонтана? Что будет в дороге? Кто и что мне будет подбрасывать? В этих вопросах я стал запутываться и постепенно опять задремал. Разбудила меня мать. После завтрака мы отправились на такси к вокзалу.

Киевский вокзал — это поэма! Красотой своей он недаром сбивает с толку пассажиров. Вокзал справедливо гордится своими поездами, которые степенно начинают и так же неторопливо завершают свой важный ход сообразно расписанию. Даже несоблюдение расписания не может поколебать их царственную невозмутимость. Точность — вежливость королей. Любые задержки лишь подчеркивают неуместную суетность и ветреность людей, чья бестолковость и порождает несуразности бытия, лишая их удовольствия жить строго по расписанию.

Вот я и в поезде. Оставив багаж в купе, я вышел на платформу, дабы прослушать последние наставления. Родители успели наговорить очередную тысячу советов, которые так же быстро забываются, как и произносятся. Повелитель вагона в железнодорожной форме мышинового цвета скомандовал «от винта», и все тронулось. Отчаянно замахали руками родители, будто пытаюсь остановить поезд, взросление сына, неумолимое время... вообще все. Но суровое чувство долга восстанавливает гармонию, и безнадежность сменяется безмятежностью. Поезд вырвался из-под задушевной крыши и устремился по верным рельсам к свету, настраивая пассажиров на меланхолический лад.

Я вошел в купе и обнаружил крайне серьезного человека лет тридцати пяти. Его длинные светлые волосы топорщились в разные стороны, но им не удавалось придать лицу легкомысленность и шаловливость. Его хмурый вид и коренастая фигура скорее говорили о военном или в крайнем случае о флотском прошлом. Никакие джинсы и легкая рубашка не могли скрыть всю суровость его лица и фигуры. Тяжелый расплющенный нос выделялся больше, чем голубые глаза. Потом подтвердилось — увлечение боксом не прошло бесследно — ему разбили нос. Он заговорил по-английски.

Оказывается, немецкий джентльмен Юрген отстал от своей туристической группы и ужасно веселился от того, что его германская трепетная невеста встречает своего благоверного в аэропорту Цюриха, а он, пес-рыцарь, еще только едет поездом по бескрайней России, что, заметьте — подчеркнул мой спутник, — дешевле самолета! В противовес своей внешности ландскнехта Юрген оказался веселым малым. Он рассказывал с хохотом, как напился за день до вылета со своим приятелем из другой туристической группы в соседнем отеле.

— Представляешь, как они долго меня искали... повсюду. Я пришел в свой отель, только когда они уже оформлялись в аэропорту Шереметьево. Отель им сообщил о моей пропаже, точнее, находке... я всех одурачил, — заключил радостно веселый попутчик.

Было непонятно, отчего Юрген гордится своей небесспорной удалейю. Вместе с тем что-то подкупало в его неустрашимости перед лицом непредвиденных обстоятельств. Он демонстрировал готовность безропотно принимать внезапные повороты судьбы. Мой попутчик был беззаботен, болтлив, и ничто, казалось, не могло вывести его из себя, то есть на самом деле вел он себя как настоящий пассажир. Его оживление передалось и мне: я стал забывать об инструкциях, характеристике, шапке и тяжелых снах.

Мы выходили в тамбур покурить. Необычный вкус американской сигареты «Кэмел» еще более приблизил ощущение заграницы. В купе я угостил Юргена курицей, солеными огурцами, яйцами (в общем, всем тем, что мы любим брать с собой в поезд) и водкой. В ответ мой сосед поделился напитком под названием «виски». Из вежливости я похвалил чуждый мне напиток, но должен признать, запах был еще тот. Он сильно напоминал самогон. Но недаром я был политически грамотным студентом. Я понимал, что надо менять привычки и приспосабливаться к новым обстоятельствам. Ведь практика уже началась.

Когда мы курили в тамбуре, к нам присоединился Василий. Он тоже был в приподнятом настроении, поскольку ехал в свое родное Закарпатье в отпуск. Как выяснилось, Вася работал шахтером где-то на севере, и, очевидно, пребывание на белом свете после подземелья шахт еще более усиливало его непреходящее ощущение радости. Эта радость перемешивалась с нашим бравурным настроением. Мы лихо опорожняли стаканы, и вид Юргена уже не казался таким суровым, а виски становился уже не таким противным напитком. В конце концов мы утомились, особенно я, поскольку для меня это была еще и практика перевода для Василия. В общем, мы утомонились и отравились спать. Перед сном я попытался найти зубную щетку, но тщетно. Во сне она была преогромной, а в жизни оказалась какой-то мелкой. Отец запрятал ее куда-то очень умело. Удалось найти лишь зубной порошок. Я принял соломоново решение найти ее утром на трезвую голову. Но это была иллюзия. Утром она не нашлась, и пришлось опять чистить зубы пальцем. Но это не испортило мне настроение.

Утро показалось еще более великолепным, особенно после чая, предложенного нашим стюартом. Все еще летнее солнце, хоть и в начале сентября, подчеркивало половеде красок мелькавших лесов, полей, деревень. Вскоре мы подобрались ко Львову.

Город явно отличался от прочих советских городов. Что-то в нем было от Запада. Когда поезд подошел к станции и замер, вся необъятная толпа — стоящая, галдящая на перроне — разлилась чрезвычайным потоком по вагонам. Стоял жуткий крик. Весь этот гам очень напоминал сцены прощания перед уходом на войну из советских кинофильмов. Непонятно было, зачем все куда-то бежали, что-то орали, обнимались, целовались и рыдали. Этот гвалт, слезы резко контрастировали с предыдущим днем. В воздухе было какое-то ощущение страшной беды, чего-то ужасного. Казалось, мы попали в какую-то жуткую катастрофу. Ощущение всеобщего несчастья обрушилось на нас, как айсберг на «Титаник».

С неподдельным интересом наш новый немецкий друг наблюдал за этим драматическим действием, пока мы курили в тамбуре. У него родилась мысль, и он тут же реализовал ее. Юрген предложил Васе пофотографировать эту метущуюся толпу. Квази-фронтальной оператор передал свой фотоаппарат, а простодушный Василий, впечатленный замечательной японской камерой, охотно откликнулся — ему было любопытно опробовать новую игрушку, — и он начал щелкать кинозатвором. Что-то меня дернуло, наверное инструкция, и я напомнил Васе, что государственные объекты не положено фотографировать. Василий — сама доброты — охотно и слегка напряженно согласился с этим серьезным утверждением (вдруг провокация) и мгновенно вернул камеру Юргену. Наш закордонный друг вновь угостил нас сигаретами, и мы дружно продолжили курение в тамбуре, как бы примиряясь с нашим наблюдением за беготней людей, заполнявших вагоны.

Вот в наш вагон ломанулся невысокий лысый мужичок лет пятидесяти с огромными чемоданами. За ним следовали молодая жена и девочка лет шести. Он потыркался в соседнее купе, но почему-то дверь была заперта. Пассажир остервенело бился о дверь, но все без толку. Мужичок стал кричать на жену, дочь, призывать проводника. Увы, безуспешно! Он выбежал на перрон, обнялся с парнем лет шестнадцати, так же быстро вбежал в вагон и вновь отчаянно стал дубасить в дверь. Его чемоданы загораживали проход, и новые пассажиры ругались с ним, безуспешно пытаясь пробраться через узкий проход. Положение становилось критическим. Лицо мужичка налилось кровью, казалось, вот-вот у него будет удар. Он обратился ко мне:

— Можно поставить чемоданы к вам в купе?

Мне вспомнились слова отца «Ни при каких обстоятельствах! Что бы там ни было!» Но смотреть на все это было невыносимо. Застывшая жена, плачущая девочка, налитое кровью лицо, его безумная нервозность, раздражение застрявших людей. И этот прищур Юргена, взиравшего недоуменно на всю эту баталию. Его лицо, как мне показалось, приобрело загранично-надменное выражение на фоне фиолетового лица соискателя места. Что делать? Как быть? Зрительный контраст подавил меня и мои опасения. Я поступил совершенно неразумно, растоптав домашние заветы. Я решил поставить багаж в наше с Юргеном купе, но прибавил от себя компромиссное условие: «Только ненадолго!» Мне казалось, что решительность голоса компенсирует нарушение заповеди, хотя меня точил червь сомнения. Я страшно нервничал и ждал еще более нетерпеливо, чем наш новый сосед, появления проводника. Наконец-то! Вот и он. Хозяин вагона передвигался с чрезвычайной важностью. В ответ на возмущенные возгласы он призвал к порядку и спокойствию, напомнив, что мы находимся на территории Советского Союза.

— Вы еще никуда не уехали! Впереди вас ждет граница. Посмотрим, кто поедет дальше, — загадочно заключил он. Вообще проводник показался очень интересным человеком. Увидев мой синий служебный паспорт, он стал относиться ко мне как к значимой особе, с непривычным для меня, студента, пусть и последнего курса институ-

та, почтением. Юргену он и вовсе демонстрировал особенное уважение на грани самоуничтожения, что подчас пугало.

Постепенно поезд набрал скорость. Мужичок перетасил свой багаж в свое купе. Я успокоился, довольный тем, как выкрутился из непростой ситуации. Вот мы и подкатили к пограничному пункту — городок Чоп. Поезд остановился, и пограничники начали обход вагонов. Их мощные фонари внимательно оглядели полки, просмотрели все, что только могло укрыться под и над полками, и проверили паспорта. Вопросы были, вероятно, для них обычные — цель поездки, — а для меня наполнены большим смыслом. Я приготовился рассказывать о своей цели поездки. Но на меня практически не обратили внимания. А вот у Юргена тщательно просмотрели весь багаж. Пограничник, как заправский коллекционер, долго и очень внимательно изучал его альбом с почтовыми марками. Затем они покинули наше купе. Мы вышли в тамбур покурить. Василий уже сошел, и мы вдвоем наблюдали за толпой отъезжающих. Все они покинули вагон с вещами и исчезли в здании таможни. С ними испарился и наш новый сосед с семьей. Поезд стоял долго, начинало темнеть. Я пошел в наше купе искать треклятую зубную щетку в чемодане. Это оказалось сложным делом. Отец как будто специально так ее запрятал, что ни один сыщик не смог бы ее найти. Несмотря на все мои усилия, эта квазиконтрабанда была надежно спрятана в схроне чемодана. Ну, нет ее, хоть ты тресни! Хоть таможенника на помощь зови!

Через два-три часа поезд стали заполнять невозвращенцы. Казалось, что многие куда-то растворились. Из двадцати человек в наш вагон вернулось две семьи — всего пять человек, а поезд заполнился примерно наполовину теми, кто стремился в западный мир. Наш мужичок был со своей семьей в своем купе. Не знаю отчего, но его возвращение было мне приятно. Это показалось мне добрым знаком. Я опять начал тасовать вещи в чемодане в напрасных попытках найти зубную щетку. Юрген посмеивался надо мной, когда я объяснил ему причину своего шмона. Поезд катился на запад все быстрее и быстрее. С ним так же быстро катилось ожидание чего-то необычного. В этом ожидании я погрузился в сон.

К счастью, на этот раз я не напоролся на страшные кошмары. Никакого бесовского наваждения. Утреннее солнце встретило нас трепетным светом. Мы пролетели Братиславу и въехали в Австрию. Пограничники в незнакомой форме проштемпелевали наши паспорта в темпе аллегро. Их не интересовали наши вещи — как будто они уже знали, что их и так просмотрели более чем внимательно.

Вдоль железной дороги — насколько хватало глаз — лежали поля. Поражали чистота, аккуратность полевых работ и колючая проволока вдоль края полей. Вот они, красота и немецкий ордунг! Поезд резво бежал по австрийской земле.

Юрген вытащил ремень из своих брюк и, к моему изумлению, вытянул долларов пятьсот из двойного дна ремня. Такое я видел только в шпионских фильмах. Заметив мое недоумение, Юрген объяснил, что официальный обменный курс не очень интересный, а почтовые марки стоят недешево. Коллекционеру всегда нужны новые марки, и упускать такую возможность было бы просто глупо. Затем он перешел к изложению ситуации с обменными курсами валют, стоимостью золота, серебра, платины и нефти. Юрген, очевидно, принял мой ошеломленный вид за впечатление, которое он произвел на меня знанием биржевых новостей. Он и не подозревал, что меня это ничуть не интересовало (валюта, золото звучали как приключения Алисы в стране чудес!) и что впечатление от особенностей его пояса превосходило все его биржевые познания, не говоря о долларах, которые я увидел впервые. Чтобы лучше переварить это впечатление, я отправился покурить в тамбур. Юрген присоединился ко мне, очевидно рассчитывая еще более укрепить мои финансово-рыночные знания. Но на мое счастье, к нему подошла симпатичная стройная брюнетка (хотя и довольно старая в моем тог-

дашнем двадцатилетнем сознании — лет тридцати пяти) из команды невозвращенцев и заверещала по-немецки. Ее возмущение передавало возбуждение. Стажировка начала щедро одаривать меня своими приключениями. Не зная ни единого слова по-немецки, тем не менее я понял, что хотела сказать наша попутчица. Она сетовала на неразбериху на таможне, огромные очереди и неповоротливость надоевшей советской бюрократии. Многие не смогли выехать по каким-то непонятным причинам. Поразительно, что из этого быстрого потока слов я сумел понять (не стараясь) существо вопроса. Извергнув крайнее недовольство, она обменялась с Юргеном еще какими-то словами, посмотрела на меня с подозрением и продефилировала к себе в купе. Что-то мне подсказывало, что не стоит говорить с Юргеном об их беседе. Вскоре к нам присоединился наш мужичок. Слегка смущенный Юрген отправился в купе, вероятно, переваривать информацию грозной попутчицы. Мы курили, переглядываясь. Наконец сосед прервал молчание.

— Позвольте представиться — Михаил Николаевич. Я вам так признателен. Спасибо за багаж.

— Не стоит.

После паузы он опять обратился ко мне:

— Вы все время смотрите на меня так...

— Как? Просто ситуация была напряженной.

— Вы смотрите на меня как на предателя.

— Да ну что вы, в самом деле!

— Проводник специально запер купе. Издевался. А таможенники нас так перетряхивали. Все перетрясли, даже печенье для дочери поломали. Что искали — непонятно. Мои фронтовые фотографии отобрали. Зачем они им? Половина поезда отъезжающих просто не успели пройти формальности. Довезти багаж на пятьсот метров... носильщики дерут неслыханные деньги. Что это такое? Незабываемое прощание с Родиной.

— Скажите, — поинтересовался я, — а как вы относитесь к тем, кто выехал по еврейской визе, а потом попросился назад в СССР.

Он ответил нестандартно:

— А такие ни тут, ни там не нужны. Как устроюсь, напишу Семе. Это мой сын от первого брака... и скажу ему, ехать или нет. У нас есть специальный знак, чтобы он понял меня правильно.

— Я смотрю, у вас полная конспирация.

— А как же. Семен должен правильно поступить.

Мы приближались к австрийской столице. Попрощались и разошлись. Каждый навстречу своей новой жизни. Наконец мы въехали в Вену. Промышленная зона сменилась жилыми кварталами, и мы оказались в центре города. И вот поезд встал, возвестив о своем прибытии в пункт назначения. К счастью, я сразу же увидел знакомого отца, схватил чемодан, распрощался с Юргеном и поспешил на выход.

Борис Васильевич был сама любезность. Его манеры, весь облик располагали к общению. Мы быстро добрались до его машины и поехали по Вене. По дороге он показывал город, рассказывая о Шенбрунском дворце, императорском дворце Хофбург, соборе Святого Стефана, галерее Альбертина. Вена ошеломляла, ее красота просто завораживала. Кто бы мог подумать, что этот удивительный город был плодом рук человеческих? Окончательно добил меня торговый центр. Борис Васильевич спросил, что меня интересует в первую очередь. Наконец-то я дождался: я рассказал ему о своей проблеме с зубной щеткой.

— Не могу нормально почистить зубы уже второй день. Жизнь не дается! — посетовал я.

— Дай бог, чтобы это была твоя самая большая проблема, — заключил он. — Сейчас мы добудем тебе щетку.

Я полагал, что мы заглянем в какой-нибудь киоск, но мой гуру повез меня в самое сердце торговли. Магазин оказался огромным торговым центром — больше нашего ГУМа. Было удивительно видеть все это великолепие предлагаемых товаров, особенно на фоне дефицита в нашей стране. Окончательно доконал меня последний этаж, где мы нашли искомое. Ряд шириной в метр растворялся в бесконечности. И весь этот торговый бенефис зазывно предлагал зубные щетки самых невероятных цветов и самых невообразимых изгибов! Я был поражен, нет — раздавлен. У нас обычно продавщица спрашивала: «Вам какую зубную щетку? Красненькую или беленькую?» На этом разнообразие обрывалось. Ошеломленный, я схватил первую попавшуюся зубную щетку. Мой мозг был расплюснут! Борис Васильевич напомнил мне: «Это жесткая щетка. Ты предпочитаешь жесткие?» Я не знал, что это за зверь «жесткая щетка», но растерянно кивнул головой и устремился к кассе. Хотелось побыстрее покинуть эту роскошь разнообразия и перевести дух от поразительного колорита выбора. Организм отказывался принять этот аншлаг издевательства. Я оказался не готов к такому подвоху. Вспомнилось чеховское «бежать, бежать». Во мне заговорили сразу все три сестры Чехова: «В Москву, в Москву!»

Борис Васильевич предложил пообедать. Это была очень недурная идея: венские сосиски с пивом кое-как вернули меня к жизни. Однако настрой на сиесту сменился тревогой. Внезапно налетело воспоминание о необходимости быть собранным и бдительным. Билет! Где билет? Ощущение было такое, как будто я ослушался приказа и предал Родину. Я поделился своим ужасом с Борисом Васильевичем.

— У меня ЧП. Я потерял билет. Точнее, он остался у проводника. Что делать? Еще не доехал до пункта назначения, практика не успела начаться, а я уже допустил такой прокол.

— А я смотрю и не узнаю тебя. Думаю: что с тобой происходит? Почему, думаю, у тебя такой потерянный вид? Билет до Женевы? Ах, тот, что использовал до Вены. Это уже не билет. Не переживай. Найдем твой билет, но придется вернуться на вокзал.

Однако его слова слабо утешали. Я никак не мог успокоиться. Зубная щетка выбила меня из колеи — утратил бдительность и собранность. Теперь все мысли были только о билете. Этот белый клочок бумаги все больше донимал меня. Наконец мы приехали на вокзал и стали расспрашивать, где может быть русский вагон. На мое счастье, вагон ждал своего часа убытия. И о чудо! Хозяин вагона был на месте. Нашелся и билет. Когда мы сели в кафе, Борис Васильевич предложил мне кирш. Не зная, что это такое, я сразу же согласился. Это оказался вишневый ликер — очень кстати. Мой наставник смягчил мою тревогу.

— Вообще-то, это ошибка проводника. Он должен был вернуть билет, когда ты покидал вагон. А потом, ну даже если бы ты приехал без билета. Ты же приехал, значит, ты его не продал, деньги не пропил. Какая разница, есть у тебя билет или нет? Этот огрызок билета нужен только для отчетности перед финотделом. Хорошо спрятал его? И забудь. Приедешь в Женеву и отдашь его в финансовый отдел. Не переживай.

С этим напутствием Борис Васильевич усадил меня в поезд и пожелал счастливого пути. В поезде я обнаружил свое купе с помощью проводника, который свободно прыгал с английского языка на французский и немецкий. В купе оказалась убирающаяся раковина. Я смог почистить зубы. Теперь у меня была зубная щетка. Действительно не щетка, а зверь! Совершенно жесткая щетина. К тому же я был один в купе. Никого более — роскошь, да и только! Условия вне всяких похвал! Я еще раз проверил, на месте ли билет. Удостоверился и, умиротворенный, лег спать. В Цюрих мы прибыли

утром. Довольно быстро я нашел нужный путь. К моему удивлению, рабочие-железнодорожники говорили по-английски и смогли толково объяснить, куда следует идти. Поезда сродни нашим электричкам ходили в направлении Женевы каждый час. Ожидание развивало наблюдательность: лыжный сезон еще не успел начаться, а на платформе вокзала уже было много людей с поломанными ногами и руками. Оказалось, в Швейцарии есть горные курорты, которые работают круглый год.

Подошел мой поезд, и я погрузился в свой вагон. Я плюхнулся на место и только тогда заметил старикана, кутающегося в теплый плащ. Официант предложил кофе, который я охотно взял. Старик напротив смотрел внимательно за моими манипуляциями. Как назло, оборвался краешек ленточки, которая открывала сливки. Под неусыпным взглядом старика я долго сражался с этим оборванцем: таких упаковок у нас тогда еще не было. Наконец я взял нож и надрезал край капсулы. Сосед как будто успокоился и удовлетворенно отвернулся от меня. Практика удалась. По прибытии в Женеву опять под неусыпным взглядом старика я выгрузился из поезда не спеша, как учил отец. Я долго ждал на перроне, но никто не подходил ко мне. Старикан тоже исчез, а ведь он мог бы подсказать что-нибудь путное. Терпение мое лопнуло.

Не ожидая ничего хорошего, я двинулся на выход. Женева встретила меня теплым солнцем и расслабленными лицами людей. Я не ведал, куда идти. Не рассуждая долго, подошел к пожилому толстоватому полицейскому. Очень высокого роста, чем-то напоминающий Де Голля, полицейский оказался весельчаком. Он стал выспрашивать меня, каким транспортом я предпочитаю добираться до искомой миссии. Я не понял выражения по-французски «а-пье» — пешком — и переспросил его. Тогда этот гигант промаршировал вокруг меня, как если бы я был круглой клумбой. Когда понимание достигло моего сознания, я пояснил, что такси предпочтительнее. Мне показалось, что так будет надежнее. Полицейский — сама любезность — проводил меня до такси и посадил в машину. Нарочито громко я назвал адрес. Пусть полицейский услышит — мало ли что, вдруг провокация. За пятнадцать минут я добрался до советского постоянного представительства, въехал на территорию миссии, и водитель лихо затормозил у ступеней здания представительства из стекла и бетона. Таксист помог мне с чемоданом, чем немало смутил меня. Советские таксисты не кидались подавать чемоданы студентам, доставая их из багажника.

В миссии удивились моему приезду. Оказывается, за мной уже поехали, но, видимо, мы разминулись. Когда я оказался в своей небольшой обители в миссии, я начал раскладывать вещи. Внутренний карман чемодана сопротивлялся моему натиску. После упорной борьбы мне удалось сломить сопротивление и достать диверсанта. Им оказалась зубная щетка, что так ловко играла со мной в прятки. А сколько было переживаний, пока эта красная щетка так умело пряталась за подкладкой чемодана!

Уже потом до меня дошли разговоры о моем приезде: студенты ноне приезжают на практику на такси. Мне часто шуточно напоминали об этой выходке, но я не обращал внимания. Мне казалось, что, напротив, этот занимательный эпизод придает моей стажировке определенный шарм. Иначе могли бы — не дай бог — догадаться, что этот кульбит был вызван банальным страхом неведомого.

Зачем, спрашивается, были эти треволнения? Я так понимаю, что только для излома сюжета о неведомом, манящем и рискованном, не нашем море, подстерегающем юнгу, который бросается в свое первое плавание.